

(1) Вот и кончился последний урок последнего дня нашей школьной жизни. (2) Десять школьных лет завершились по знакомой хрипловатой трели звонка. (3) Все мы, растроганные, взволнованные, радостные и о чём-то жалеющие, растерянные и смущённые своим мгновенным превращением из школяров во взрослых людей, слонялись по классам и коридору, словно страшись выйти из школьных стен в мир, ставший бесконечным. (4) И было такое чувство, будто что-то недоговорено, недожито, не исчерпано за прошедшие десять лет, будто этот день застал нас врасплох.

(5) В класс заглянула Женя Румянцева:

– Серёжа, можно тебя на минутку? (6) У меня странное предложение! (7) Давай встретимся через десять лет!

(8) Шутливость совсем не была свойственна Жене, и я спросил серьёзно:

– Зачем?

– (9) Мне интересно, каким ты станешь. (10) Ты ведь очень нравился мне все эти годы.

(11) Я думал, что Жене Румянцевой неведомы ни эти слова, ни эти чувства. (12) Жизнь её протекала в двух сферах: в напряжённой общественной работе и в мечтаниях о звёздных мирах. (13) Немногие из нас твёрдо определили свой дальнейший жизненный путь, а Женя с шестого класса знала, что будет астрономом, и никем другим. (14) Между нами никогда не было дружеской близости. (15) В поисках разгадки я мысленно пробежал прошлое, но ничего не нашёл в нём, кроме одной встречи на Чистых прудах...

(16) Однажды мы собирались в выходной день на Химкинское водохранилище покататься на лодках. (17) Но с утра заморосил дождь, и на сборный пункт пришли только мы с Павликом, Нина и Женя Румянцева. (18) Дождь не переставал ни на минуту. (19) Нечего было и думать о Химках.

– (20) Давайте покатаемся на пруду, – предложил я и показал на старую, разошедшуюся лодку-плоскодонку: будем воображать, что мы в Химках.

– (21) Или в Средиземном море, – вставил Павлик.

– (22) Или в Индийском океане, – восторженно подхватила Женя.

(23) Мы вычерпали из лодки воду и отправились в «кругосветное» плавание. (24) Женя придумывала маршрут нашего путешествия. (25) Вот мы проходим Босфор, через Суэцкий канал попадаем в Красное море, оттуда в Аравийское и входим в Тихий океан. (26) Женя неутомимо командовала: «Право руля!», «Лево руля!», «Поднять паруса!», «Убрать паруса!» (27) Отыскивала путь по звёздам: наш компас разбился во время бури.

(28) Больше Женя не бывала с нами. (29) Мы не раз приглашали её на наши сборища, но она отказывалась. (30) А что если в тот единственный раз она пришла из-за меня и из-за меня отступилась, сказав себе с гордой честностью: не вышло...

– (31) Почему же ты раньше молчала, Женя? – спросил я.

– (32) К чему было говорить? (33) Тебе так нравилась Нина!

(34) С ощущением какой-то досадной и грустной утраты я сказал:

– Где же и когда мы встретимся?

– (35) Через десять лет, двадцать девятого мая, в восемь часов вечера, в среднем пролёте между колонн Большого театра.

(36) Минули годы, Женя училась в Ленинграде. (37) Зимой 1941 года, жадно ловя известия о судьбе моих друзей, я узнал, что Женя в первый же день войны бросила институт и пошла в лётную школу. (38) Летом 1944 года я услышал по радио указ о присвоении майору авиации Румянцевой звания Героя Советского Союза. (39) Вернувшись с войны, я узнал, что звание Героя было присвоено Жене посмертно.

(40) Жизнь шла дальше, порой я вдруг вспоминал о нашем уговоре, а за несколько дней до срока почувствовал такое острое, щемящее беспокойство, будто все прошедшие годы только и готовился к этой встрече. (41) Я поехал к Большому театру, купил у цветочницы ландыши и пошёл к среднему пролёту между колонн Большого театра. (42) Я постоял там немного, затем отдал ландыши какой-то худенькой сероглазой девушке и поехал домой...

(43) Мне хотелось на миг остановить время, оглянуться на себя, на прожитые годы, вспомнить Женю, лодку, дождик, вспомнить слепоту своей юношеской души, так легко прошедшей мимо того, что могло бы стать судьбой.

(По Ю.М. Нагибину*)

* *Юрий Маркович Нагибин* (1920–1994) – русский советский писатель-прозаик, журналист и сценарист.